

Олег Стельников

Поэт, публицист, литературовед, прозаик. Родился в 1998 году. Публиковался в сборнике «Всходы», альманахе «Крылья». Член Союза писателей ЛНР. Живёт в Луганске.

ЧАШКА С ЗАКАТОМ

Солнце висит над острыми крышами и нестерпимо слепит глаза, тысячи отражений пляшут в тысяче окон. В ущельях улиц, на дне туманного лабиринта, гудят машины, вспыхивают и гаснут жёлтые и белые огоньки. Иногда с протяжным дребезгом и шипением проходит трамвай: тогда стёкла в домах трясутся и солнце рябит. Я сижу на балконе, кутаюсь в плащ и дожидаясь Музу. Кто такой «я»? Может, автор. Может, лирический герой. А может, герой, который сам себя возомнил автором. Неважно. По крайней мере, я не могу сказать, что сам себя придумал. Уж скорее Муза меня придумала — тогда она и есть автор. Хотя, пожалуй, это тоже неважно.

По вселенной много таких земель, как эта. Они открыты ветрам, разбросаны по краям пространства и времени. Рано или поздно буры их истории перестают вращаться, а их эволюция закручивается в кольцо. Им остаётся одно — ждать век за веком, когда забредёт на их каменистую землю новый Кортес. Или новый Наполеон. Или, быть может, кочевой космический Чингисхан. И он обычно является — каменщик и король, эффективный и хладнокровный профессиональный покоритель вселенных. Но порой прихожу я — бездельник и разгильдяй. Без программ, без решений, зато с ворохом времени и вопросов. Прихожу не строить. Впрочем, и не ломать. Скорей — экспериментировать.

Тогда, на закате последнего летнего дня, я явился с неба, на которое мне заказан обратный путь. Город встречал меня у ворот портала. Чёрное небо всеми звёздами вперилося в огромные иллюминаторы станции. Стаканчик с кофе согривал руку через перчатку, в глазах рябило от неоновых

иероглифов, а толпа вокруг гудела на сотне языков и диалектов, из которых я был знаком от силы с пятью. С рыжим закатным солнцем ушло на запад самое первое, самое короткое моё лето в этом мире. Последний луч коснулся моих век, и тогда я понял, что жажду действия. Приглядевшись, понял, что обязан этому городу. Только захватив этот мир, я могу рассеять по его пустошам семена города. Таков закон и таков мой замысел.

Кортес, говорят, поджёг свои корабли, когда высадился в Америке. Мне не пришлось ничего поджигать. Мой корабль — он же моё прежнее тело — остался при мне. Он не мог бы больше взлететь. Много тысячелетий он провёл в дрейфе с полуразбитым корпусом.

Там, у ворот портала, я сколотил вокруг себя «Нураннэт» — военный союз десяти или пятнадцати таких же, как я, бездельников со странными планами и странными взглядами на жизнь, изгнанников в собственных мирах, которым отсыпали чуть-чуть Синхронизации и научили, как её использовать, но не дали ни представления о будущем, ни желания строить его для себя. Орден из тех, кого никогда не посвятят в рыцари.

Наш крестовый поход не занял долго. Мир был захвачен за два часа. Мир был очищен за двое суток. Потом мы скрутили время в бараний рог, сломали все законы, установленные до нас, и тогда эхо от залпов потонуло в ночи. На рассвете третьего дня, объявив себя человеком, я потеряв всё, что имел, и вернулся к тому, что было. Моё прежнее «я» впишут в хроники мира как нового Тёмного властелина — двадцатого, а может, и тридцатого по счёту. Или, может, как бога войны. А если повезёт — даже как героя-освободителя. В любом случае, меня-демона больше нет. Запечатанный в безднах самоанализа, он чинит разбитое судно и ждёт сигнала к новому взлёту.

А мне-человеку на это плевать. Я-человек сижу на балконе моей квартиры, похожей на келью, что на сорок третьем этаже в левой западной башне Центрального массива, и сно-

ва мечтаю о невозможном. Если буду мечтать, Муза придёт скорее. В ушах наушники — как затычки, отсекают шум из внешнего мира. Старый японский рок очищает душу, обжигающей ностальгией разливается по углам, наполняет тёмные закоулки. Моя душа — тоже город. Я урбанист из урбанистов, плоть от плоти плацкартной эпохи. Я свой для Города, но чужой для его людей.

Писать ли о том, как чёрно-красные плащи бьются по ветру, а безумные полководцы бросают миллионные воинства на гибель? Или о том, как сходятся в космической битве чудовищные флоты, и вселенная содрогается от залпов? О чужих мирах? О мятежном духе? Но, МЭЙО, зачем? Это всё было, это всё одинаково старо и типично. Время отважных, время пламенных позади. Битвы закончились. Погасли эмоции человечества. Сейчас и в необозримом будущем, до конца Города, до конца вселенной, властвует человек-машина.

Я не курю и не пью. Планирую жить долго, желательно вечно, чтобы копить дневники и воспоминания. Если рассудить здраво, то вечная жизнь располагает к вечной прокрастинации. Зачем делать что-то сегодня, если можно отложить... лет на двести? Так ли уж я уверен, что захватил мир две недели назад? То есть... два месяца? То есть... Может, уже прошла пара десятилетий? Что, если я уже бессмертен, только не знаю этого?

...Солнце висит над острыми крышами и сеет последние ярко-красные лучи в бездну. Мы сидим на балконе и ёжимся от ветра. В приличном рассказе не бывает полумер: закат всегда красный, тучи — свинцовые, а ветер — ледяной и промозглый. И рассвет тоже красный. Но когда у тебя под ногами туман и сорок два этажа жёлто-серого плацкартного города, а закат плавает в чашке с чаем, то приличного рассказа не написать. И Муза думает так же. Однако у меня решимости на двоих, я копил её на целый роман. Потому я растёгиваю рюкзак, одной рукой лезу на дно за карандашом, другой вытаскиваю блокнот и принимаюсь фиксировать то, что вижу. В общем, ничего, кроме солнца, окон и плакатов на соседнем доме.

«За окном желтоватые тучи низко висели, но солнце всё равно пронизывало их насквозь. Степь, нескончаемая во все стороны, серая, пыльная и дышащая зноем, заглядывала в промытые стёкла. За окном была улица. За ней — ворота со шлагбаумом и неровная линия частокола. В колеях дороги стояла грязноватая вода».

Муза сначала смотрит через плечо, потом зевает, меняет позу, и я чувствую, как с меня сползает плащ. Потом в нос ударяет густой травяной запах. Вся квартира пропахла этим чаем. А Муза пахнет так, будто целиком из него сделана. Сунет палец в воду — наверно, тоже превратит её в чай. И меня превращает раз за разом.

– Слушай, мастер, ты в какой раз это переписываешь?

– Второй... Нет, вру, это третий.

– Ичи, ни, сан... Уже четыре, мастер. Знаешь, раньше было спокойнее. Можно было взять случайных образов, мелко искрошить и натолкать тебе в голову. Кто читал, тот сам искал идею. Теперь ты стал разборчив.

Она, конечно, права — так же, как и всегда. И она вправе спросить меня — что за чепуха? Почему не могу я сам заставить себя писать? Почему не могу, чёрт возьми, просто взять и напечатать главу, так, как это делал всегда? Зачем придумываю бредовые схемы сюжетов? Почему промахиваюсь по клавишам? Почему даже не помню, что должен заточить карандаш, и пачкаю страницу за страницей тупым грифелем? И зачем внешний мир загнал меня во временные рамки и заставляет делать бессмысленные вещи? А впрочем, мир не виноват. Виноват тот, кто ищет оправдания своей лени.

Всего этого она не спросит, и не выберит за растрату вдохновения. Может, она посмеётся над тем, как я распоряжаюсь её работой. Но не станет ни вмешиваться, ни учить сверх меры — так же, как и я никогда не вмешиваюсь в её дела.

Бездонный взгляд, который ярче заката. В каждом зрачке — по целой галактике. Нос, которому я готов поклоняться. Улыбка, достойная богини.

В походных условиях, на складном столике вершим чайную церемонию. Столик вместо скатерти покрыт флагом, на флаге — рыже-чёрный Ядерный Молот, последняя память о потерянном превосходстве. Когда мои крейсера заливали огнём просторы чужого мира — моего мира, потерянного и обрётённого, — я тоже бежал от реальности.

Наверно, я слишком акцентируюсь на деталях. Говоря о Музе — должно быть, смог бы расписать до клетки её идеальную внешность. От лица и улыбки — до малейшего пятнышка на белоснежной коже. Помню, как колотится сердце, а разум перегревается и виснет, не успевая обрабатывать бурю образов. Только цвета глаз не помню. Слишком долго тонул в них. Но какой в этом смысл? Разве я не могу просто сказать, что моя муза — это май предвоенного года? Жаркий, раскалённый добела, вибрирующий от напряжения май. Разве я не могу сказать, что подхватил её через сеть? Заразился, будто Ашерой?

«Чтобы что-то завоевать, нужно вести за собой. Мне же проще, когда ведут меня самого». Не так ли, Муза? Флэшбэк ударяет в лицо, захлёстывает меня всего. Душный ветер пустыни. Лазерные удары с небес обращают песок в стекло. Плывут в небе собранные из лома, из хлама, из частей моего прежнего тела уродливые коробки... Крейсера без команды, без имён, не управляемые ничем, кроме моей безграничной скуки. Линкоры в двести орудий. Авианосцы — стальные клетки, гнёзда с неуклюжими птицами, ожидающими внутри, чтобы с криком «Банзай!» врезаться клювом в палубу враждебного судна. Знаки на крыльях, пёстрая бессмыслица номеров. Ошмётки памяти, осколки прежнего «я». Лазерные удары, звон, скрежет с небес. «Feuer!» — и в ответ эхо собственным голосом: «Feuer!». Битва с самим собой, война без правил. Не так-то много и надо искусственному интеллекту, возмнившему себя конкистадором. Это было давно — до Города и до Музы. Раньше, чем я объявил себя человеком, и раньше, чем пришёл в этот мир.

Серо-синий бездонный взгляд. Абрикосово-рыжие короткие волосы открывают вид на белую шею и на два крохотных

треугольника выше лба: не слишком острые, очень розовые, самого сакурного цвета рога. Моя Муза не завоёвывала чужих миров, но давно завоевала меня. Я-человек — всецело в её ладонях. Белые пальцы с ногтями, крашенными в чёрный, ловко сплетают нити моей судьбы.

Её рука, гибкая и горячая, обнимает меня за пояс. На полных белых плечах — моя дешёвая куртка, порталными дорогами эта куртка прошла через пять измерений. Мы сидим на балконе и ёжмся от ветра, сидим час, а может, уже и второй. Всё равно я не знаю, о чём писать. О любви? Избито. О войне? Трудно, и тоже избито. А философию сырой не едят. Философия подаётся между строками, в нарочито яркой обложке, под соусом из китча и бессмыслицы. Надо уметь её приготовить. И пишу я не для того, чтобы преподать что-то ценное читателю. Я просто бегу. Прочь от возни, прочь от обязанностей — в общем, бегу от внешнего мира. Конечно, мир когда-нибудь догонит меня, цепкой рукой сграбастает за воротник и бросит туда, куда полагается. Это предрешено. Там, в холодном внешнем мире, у меня хватает неоконченных дел. Но пока мы сидим на балконе, эти дела подождут. Пока не сломан последний карандаш, пока не истёрлись клавиши и не иссякли чернила, я буду писать.